

грузинскому, мегрельскому и сванскому: «О двух суффиксах множественности в грузинском», «О родительном эмфатическом в древне-грузинском языке», «Категория инклюзива и эксклюзива в сванском». «Настоящее «обычности» в активной конструкции», «Придаточное предложение в древне-грузинском», «Адыгейского типа эргатив в сванском», «Месхский говор грузинского языка», наконец большой сванский словарь, над которым К. Д. Дондуа продолжал работать до последних дней.

Из под пера его вышел ряд статей по картвельским языкам, помещенных в советских энциклопедиях: «Сванский язык» (БСЭ), «Мегрельский язык» (ЛЭ). К. Д. Дондуа прекрасно знал все три ветви картвельской семьи языков: грузинскую, мегрело-чанскую и сванскую.

Трудов, посвященных проблемам общего языкознания, у К. Д. Дондуа немного. Это — «Грамматическое отрицание, как проблема общего языкознания», «Синтаксическая ассимиляция в освещении А. А. Потемни», статьи о Ф. Боппе и Г. Шухардте и некоторые другие. Но широкая общелингвистическая эрудиция и живой интерес к общим вопросам чувствуются в любой из специальных работ К. Д. Дондуа. Выступления его по различным общим и частным вопросам не оставляли сомнения, что он тщательно следил за всей выходящей литературой по общему языкознанию.

Литературоведческие темы занимают весьма заметное место в научной биографии К. Д. Дондуа. Особое значение имеют работы, посвященные им солнцу грузинской поэзии — Шота Руставели. Сюда относятся — превосходные статьи о Руставели, помещенные в энциклопедическом словаре «Гранат» и в «Известиях» Академии Наук за 1938 г., а также ряд небольших статей и заметок, затрагивающих различные стороны жизни и творчества великого грузинского поэта. Сводная работа его о грузинской средневековой литературе, напечатанная в Литературной энциклопедии, является незаменимым справочным пособием.

Русско-грузинские литературные отношения особенно интересовали К. Д. Дондуа. Плодом этого интереса явилась в частности статья «Пушкин в грузинской литературе», помещенная в сборнике «Пушкин в мировой литературе» (1926 г.).

Много внимания уделял К. Д. Дондуа вопросам теории литературы и поэтики. Достаточно назвать такие его работы, как «Об особенностях художественной речи» (на грузинском языке), «Метафора в широком смысле и метафора поэтическая» и др.

Интерес к фольклору был у К. Д. Дондуа неотделим от интереса к языку и литературе. Такие темы, как вопрос о метафоре, касались в равной мере языка, литературы и народной словесности. Из специальных фольклористических работ его следует отметить статьи «Мегрельская устная литература» (ЛЭ), «Новый сборник грузинских пословиц», «Славяно-картвельские фольклорные встречи», «Абессалом и Этери». Ряд работ этого рода имеется в рукописном наследии К. Д. Дондуа.

Таков самый сжатый обзор научных проблем, занимавших К. Д. Дондуа. Следует подчеркнуть, что, несмотря на разнообразие тематики, ни в одной его статье нельзя обнаружить никаких следов поверхностного отношения к делу или дилетантизма. Чтобы дать ход какой-либо работе К. Д. Дондуа должен был убедиться, что в ней все проверено и обосновано до детали, до последней запятой. Со стороны это создавало даже впечатление известной медлительности в работе. Но эта медлительность проистекала не от недостатка трудоспособности или трудолюбия, а от скрупулезной добросовестности, с какой К. Д. Дондуа отделявал, дорабатывал, шлифовал каждую свою статью.

Всякая недобросовестность, легковесность, верхоглядство в научной работе и научных выводах были органически враждебны К. Д. Дондуа и вызывали у него исключительно острую реакцию. Известно, как он обрушился на несерьезную книжечку о Шота Руставели, вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей». Глубокая принципиальность проходит красной нитью через всю научную биографию К. Д. Дондуа.

Будучи как кавказовед учеником Н. Я. Марра, К. Д. Дондуа все дальше уходил от своего учителя, по мере того как последний из выдающегося кавказоведа превращался в вульгарного «теоретика». Последовать за Марром в дебри лженаучного «нового учения» о языке К. Д. Дондуа не хотел и не мог. За это он неоднократно подвергался нападкам со стороны рьяных последователей Марра.

Ошибкой было участие К. Д. Дондуа в порочном фольклористическом сборнике «Тристан и Изольда». Но справедливости ради следует заметить, что и здесь его статья заметно выделяется среди других более высоким научным уровнем и отсутствием «палеонтологических» фантазий.

Тяжелая болезнь надолго приковала его к постели. Но и она не могла оторвать его от любимого дела. Есть что-то поистине героическое в том, что вплоть до рокового дня К. Д. Дондуа не выпускал из рук пера, дорабатывая и подготавливая для печати свой многолетний труд — сванский словарь. Карпезу Дариспановичу было свойственно большое личное обаяние. Душевная мягкость и деликатность сочетались у него с прямой, непоколебимой твердостью убеждений и высокой требовательностью как к себе, так и к окружающим.

Товарищи по работе хорошо помнят неизменно благожелательное отношение К. Д. Дондуа, его всегдашнюю готовность прийти на помощь советом, указанием.

* К. Д. Дондуа прожил цельную и безупречную жизнь. Смерть слишком рано оборвала его жизненный путь, не дав ему довести до конца многих задуманных и начатых работ. Институт языкознания АН СССР намечает подготовить к печати и издать оставленный К. Д. Дондуа сванско-русский словарь, а также другие неопубликованные его работы.